

Телеперсона grata

Русский телеграф. - 1998, - 26 июня, - с. 7

Введение в рубрику

Телевизионный небосклон России усеян звездами разной величины и яркости — от Познера до Пельша. Интерес широкой публики к ним носит, с одной стороны, празддно-развлекательный, а с другой — вполне познавательный характер. Последний, правда, скорее невольный, нежели осознанный.

Как и в любой другой сфере массовой культуры, на ТВ почти каждая более или менее популярная персона — маска тех или иных групповых ожиданий, подсознательных желаний, нечаянных комплексов, коллективных представлений о добре, красоте, благородстве...

Об олицетворенных комплексах и амбициях таинственной души российской аудитории и пойдет речь в рубрике, которая отныне станет постоянной.

Эффект заключался в сходстве несходного: русский, который почти неотличим от американца, — непринужден в английском, свободен в общении, толерантен, темпераментен, корректен, демократичен и т.д.

Пока у аудитории сохранялось ощущение свежести, или, как говорил Виктор Шкловский, «остранненности», Познер был желанным гостем американского ТВ. Когда это ощущение притупилось, контракт не был пролонгирован и Владимир Познер благоразумно сосредоточился на работе в АТВ и ОРТ.

Увеселительный аттракцион «горки», которые в Америке называются «русскими», у нас именуются «американскими».

То же и с Познером: там он американизированный русский, здесь он русифицированный «американец».

И опять же: то, что в этом те-

недавних передач «Человек в маске». Какая-то дама выразила удовольствие по поводу обилия в отечественном эфире лиц еврейской национальности, на что Владимир Владимирович спросил: «Мне, может, уйти?»

Ответ был мгновенным и искренним: «Ну что вы, я не вас имела в виду. Вас-то я как раз люблю».

Впервые его полюбили за «телемосты». Он их наводил между простыми людьми советской России и антисоветского Запада. Ему это было с руки, потому что он неплохо ориентировался и в том и в другом менталитете. Точнее: в перегибах обоих менталитетов.

Программа «Мы», которую он не первый год ведет на ОРТ, тоже своего рода телемост. Между нами и нами. Эта передача — форма коллективного самосознания. В ней он чувствует себя довольно уверенно. И особенно уверенно в тех случаях, когда предметом разбирательства становятся рецидивы советских комплексов. Как это было в случае с защитой прав русскоязычных неграждан в Латвии.

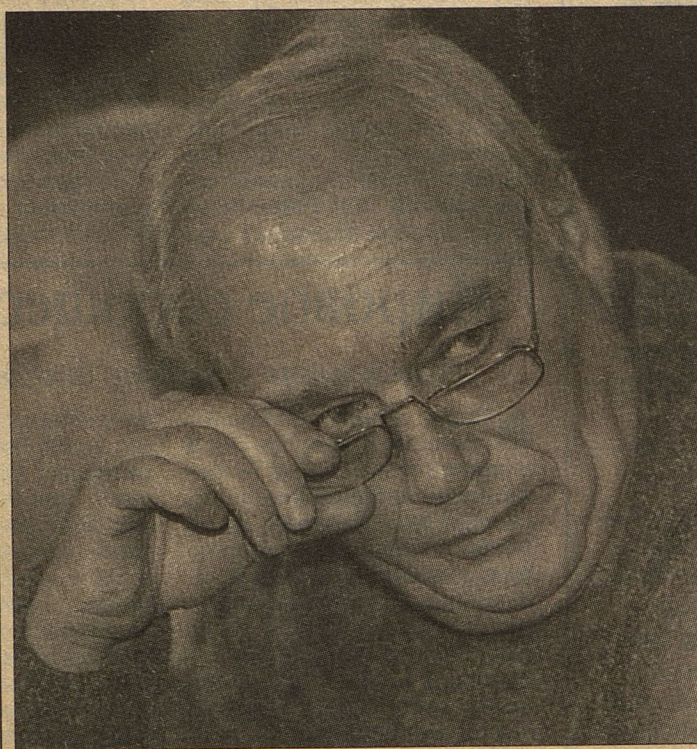
Передача «Человек в маске», по идее, предлагает иную коммуникативную и содержательную коллизию. Тут Познеру приходится по большей части иметь дело с подсознательными изгибами отдельного человека. Иными словами, с исключениями, а не с правилами.

Между тем на все случаи жизни у него готовый набор общественных лекал. И под маской человека, смущенного какой-то несуразностью в общественном умонастроении, телеведущий узнает то, что давно знает — обидные советские комплексы, которые на самом деле являются общечеловеческими.

Состояние умов сегодня действительно непередаваемое: мораль стала зыбкой, двусмысленной... Исполнение правил общения пущено на самотек, под ответственность индивида. От этого он перенапрягается и даже заболевает...

Признаться аудитории — «Маска! Я вас не знаю» — Познер не может. И на его лице застывает маска склонившегося над своим пациентом все понимающего врача-психиатра, которого «Мы» опять же склонны идеализировать.

Юрий молибога

Владимир Познер

На нашем телевидении он один — профессионал. Прочие рядом с ним кажутся дилетантами. Кто более способным, кто менее...

По другую сторону океана, в шоу Донахью, он, надо полагать, воспринимался до некоторой степени как экзотическая приправа к сугубо национальному американскому ток-шоу.

телеведущему подкупало американскую публику, радует, но по-другому, отечественную. Воспитанность, респектабельность и живая непринужденность для народных масс что-то вроде акцента, который с головой выдает иностранца.

Познер — идеализированный нами и образцово-показательный для нас человек с Запада. Его даже антисемиты уважают, в чем можно было убедиться на одной из